

Ю. В. Архангельская

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(Россия, Тула)
archangelju@yandex.ru*

КАМЕРНЫЕ ИННОВАЦИИ Л. Н. ТОЛСТОГО: НА ПУТИ В УЗУС

В статье исследованию подвергаются камерные (семейные) инновации Л. Н. Толстого. Не все из них бытовали исключительно в узком кругу посвященных лиц. Некоторые единицы стали достоянием узуса (*В искусстве всё чуть-чуть; Чем люди живы?; энергия заблуждения*), а другие занимают промежуточное положение: они еще не стали общеупотребительными, однако есть признаки, указывающие на то, что они стоят на пути к этому. Такие сочетания, как *зеленая палочка, муравейные братья, арзамасский ужас, анковский пирог*, обладают устойчивостью и употребляются в настоящее время в мемуарной, биографической и научной литературе о Толстом, а также используются для наименования различных реалий современной действительности, однако в узус пока не перешли. Анализируя данные единицы, исследователь пытается установить причины того, почему одни камерные лев-толстовские инновации переходят в узус достаточно легко, другие же, несмотря на наличие кажущихся очевидными предпосылок для этого, общеупотребительными не становятся, и приходит к выводу: из частного дискурса более легко переходят в узус камерные единицы, которые обладают абстрактным значением и при этом не являются ситуативными по происхождению, а значит, не требуют каких-то дополнительных комментариев для объяснения своего значения. Использование их в литературных произведениях, особенно в качестве заглавия, является дополнительным стимулом для узуализации.

Ключевые слова: камерные (семейные) инновации; частный дискурс; неология; узус; причины узуализации; Л. Н. Толстой.

Исследование новообразований различных языковых личностей сформировало в лингвистике устойчивое представление о том, что любая индивидуально-авторская инновация со временем либо становится общеупотребительной, либо остается окказиональной (то есть одноразовой). Между тем, анализируя неологию Л. Н. Толстого, мы обнаруживаем единицы, занимающие промежуточное положение между указанными группами. Это слова, словосочетания и выражения,

которые характеризуются устойчивостью и воспроизводимостью, но только в рамках определенного (обычно небольшого) коллектива, они хотя и не вошли в узус, но уже перестали быть одноразовыми. Такие образования мы вслед за В. Л. Архангельским называем *камерными* [Архангельский 1975: 133]. Камерные значения слов и камерные фразеологические единицы семьи Толстого впервые собраны и прокомментированы в нашем издании «Лев Толстой в языке и речи: словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика)» [Архангельская 2016].

С нашей точки зрения весьма примечателен тот факт, что некоторые камерные единицы из употребления в узком кругу посвященных лиц, ограниченном семьей Толстого и близкими дому людьми, постепенно перешли и переходят в узус (*В искусстве всё чуть-чуть; Чем люди живы?; энергия заблуждения* и др.).

Например, с выражением К. П. Брюллова *В искусстве всё чуть-чуть*, по свидетельству современников, Толстого познакомил художник Н. Н. Ге, который рассказал писателю о том, как, поправляя этюд ученика, Брюллов несколько раз едва прикоснулся кистью к полотну, и оно преобразилось, приобрело законченность и выразительность. На восхищенные возгласы учеников («Ведь только чуть-чуть тронули!») Брюллов и ответил словами: «В искусстве всё чуть-чуть» (по другой версии — «Искусство начинается с “чуть-чуть”»). Толстому так понравилась эта фраза, что он не раз использовал ее не только в устных высказываниях, дневниках и письмах, но и в двух своих публицистических произведениях (статье «Для чего люди одурманиваются» и трактате «Что такое искусство?»), естественно отсылая читателя к ее создателю — К. Брюллову [Толстой 1928–1958, 27: 279–280; 30: 127–128]. И все же именно после употребления этой фразы Толстым и, так сказать, ее популяризации им она становится крылатой в значении ‘в искусстве самое главное — нюансы, полутона, в которых и проявляется талант настоящего художника; в искусстве не бывает незначительных деталей’. Таким образом, путь в узус данного выражения понятен и объясним: сначала известный писатель, мыслитель, философ многократно употребляет выражение в устных и письменных частных дискурсах, затем в публицистике, затем она переходит в узус.

Другой путь в узус у выражения *Чем люди живы?* Одноименный рассказ Л. Н. Толстой написал в 1885 году. В то же время, в 1880-е годы, по свидетельству современников и домочадцев писателя, в имении Толстых Ясной Поляне устраивался так называемый «Почтовый ящик», куда каждый из живущих в усадьбе мог опускать в течение недели свои сочинения, а в воскресенье после обеда эти неподписанные произведения зачитывались и обсуждались. Анонимность добавляла интриги: все пытались разгадать автора. В свете анализируемой нами проблемы примечательны два сочинения неизвестного автора, написанные для «Почтового ящика» (есть предположения, что их автором мог быть и сам Л. Толстой). Эти небольшие произведения называются «Чем люди живы в Ясной Поляне» и «Чем люди мертвы в Ясной Поляне». Каждое предложение в этих шуточных сочинениях построено по моделям *X жив тем, что...* и *X мёртв тем, что ...* соответственно. В своих воспоминаниях сын Л. Н. Толстого Илья Львович приводит эти произведения:

«ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Лев Николаевич жив тем, что будто бы нашел разгадку жизни.

Александр Михайлович жив тем, что бывают летние месяцы отдыха.

Софья Андреевна жива тем, что она жена знаменитого человека и что существуют такие мелочи, как, например, земляника, на которые можно тратить свою энергию.

Татьяна Андреевна жива тем, что умеет нравиться, веселиться и заставить себя любить.

Таня Толстая жива тем, что она недурна собой и что существует такое благо, как замужество.

Сергей Львович жив тем, что думает когда-нибудь зажить иною жизнью.

Илья Львович жив надеждой на семейное счастье. <...>.

Через неделю, в ответ на эту статью появилось:

«ЧЕМ ЛЮДИ МЕРТВЫ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Лев Николаевич мертв, когда едет в Москву и когда в Москве, выходя гулять, получает разные грустные впечатления.

Софья Андреевна мертва, когда малышечки больны и когда Илья в бабки играет.

Александр Михайлович мертв, когда он из Ясной уезжает.

Татьяна Андреевна, когда Александр Михайлович уезжает и когда в крокет проигрывает.

Таня мертва, когда мамаша сватает ее за Федю Самарина.

Сережа мертв тем, что Алена уехала.

Илья мертв тем, что греческая грамматика наступает. <...>» [Толстой 2000: 121–122].

Мы видим, что выражение *Чем люди живы?* имеет устойчивость в узком кругу посвященных лиц, причем настолько освоено ими, что предстает в качестве модели, а во втором сочинении даже с варьированием компонента: *живы* — *мертвы*, что является дополнительным подтверждением его освоенности. Таким образом, можно утверждать, что данное выражение в 1880-е годы уже обладало устойчивостью и воспроизводимостью в толстовском кругу. Употребление в абсолютно сильной позиции заглавия также способствовало его узуализации.

У камерного выражения *энергия заблуждения*, также вошедшего в узус, другая судьба. Отличие в том, что, во-первых, это выражение самого Толстого и, во-вторых, он только два раза использует его, причем в частной переписке. Так Толстой называет 'то, что дает толчок вхождению художника в творческое состояние, что дает ему возможность испытывать вдохновение'. По Толстому, если художник слишком хорошо знает, о чем ему надо писать, он не должен браться за перо до тех пор, пока это знание как бы не пошатнется в нем, не начнет ощущаться как что-то бессознательное, стихийное. Так, в письме Н. Н. Стархову от 6 апреля 1878 г. Толстой пишет: «... всё как будто готово для того, чтобы писать — исполнять свою земную обязанность, а недостает толчка веры в себя, в важность дела, недостает *энергии заблуждения*, земной стихийной энергии, которую выдумать нельзя. И нельзя начинать. Если начнешь *напрягаться*, то будешь не естественен,

не правдив, а этого нам с вами нельзя» [Толстой 1928–1958, 62: 410–411]. На данное выражение обратил внимание В. Б. Шкловский и использовал его в качестве заглавия своей книги «Энергия заблуждения: Книга о сюжете» [Шкловский 1981]. Путь в узус этой камерной единицы приблизительно тот же: из частного дискурса — во всем доступное произведение литературы и уже оттуда в узус. Например: «Тайна, запирающая для нас вход и выход, рождение и смерть, и есть тот дар, та *энергия заблуждения* (по определению Л. Н. Толстого), с которой мы преодолеваем Жизнь, чтобы выполнить Назначение» (Андрей Битов. Жизнь без нас) [Цит. по: Архангельская 2016: 256–257]; «Сбил сам себе настрой, угасла *энергия заблуждения*» (Алексей Слаповский. Большая книга перемен) [Цит. по: Архангельская 2016: 257].

Среди крылатых единиц Толстого есть и такие, которые занимают промежуточное положение между частным дискурсом и узусом: они еще не стали общеупотребительными, однако есть признаки, указывающие на то, что они стоят на пути к этому. Такие сочетания, как *зеленая палочка*, *муравейное братство*, *арзамасский ужас*, *анковский пирог*, обладают устойчивостью и используются в настоящее время не только в мемуарной и научной литературе или в биографических источниках о Толстом, но и в других текстах, обращенных, правда, преимущественно к образованному читателю. Казалось бы, обстоятельства их возможной узуализации те же, что у лев-толстовских единиц, вошедших в узус, однако общеупотребительными они пока не стали.

Показателен пример использования камерной единицы *зеленая палочка*. Первоначально по легенде, придуманной и рассказанной в детстве старшим братом Николаем Льву Толстому и двум другим своим младшим братьям, *зеленая палочка* — это волшебный предмет, на котором написано, что должно уничтожить все зло в людях, и найдя который человек станет счастлив. Впоследствии камерная единица *зеленая палочка* приобрела переносное значение, в семье Толстого ее стали использовать как 'символ всеобщей гармонии и счастья'. Этот символ Лев Толстой пронес через всю свою долгую жизнь и завещал похоронить себя именно на том месте, где в детстве с братьями искал волшебную *зеленую палочку*. Толстой также использовал это сочетание для названия статьи, написанной им в 1905 г., то есть в абсолютно сильной позиции, которая могла бы способствовать переходу данной единицы в узуальное употребление [Толстой 1928–1958, 36: 407–415]. И попытки «стимулировать» такой переход были: например, название «Зеленая палочка» дали детскому журналу, издававшемуся литераторами первой волны русской эмиграции в 1920 году в Париже. Кроме того, в наше время так называется детский толстовский центр в Туле. И всё же данная единица остается камерной. Всё-таки, для того чтобы понять ее символическое значение, нужно знать и историю ее происхождения, и первоначальный смысл, который вкладывали в это сочетание братья Толстые.

Другие камерные сочетания семьи Толстых, занимающие промежуточное положение между частным дискурсом и узусом, не употреблялись в качестве заглавий литературных произведений, но также используются для наименования различных реалий современной действительности. Так, камерное выражение *муравейное*

братство используется в настоящее время для названия детского сада (дер. Ясная Поляна, дом 9), а также для названия детского межрегионального общественного движения, которое было основано в 1999 году и успешно функционирует до сих пор, находясь под покровительством музея-усадьбы «Ясная Поляна». Однако считать данную единицу общеупотребительной все-таки нельзя. Думается, по той же причине. Слишком много нужно объяснять. *Муравейным братством* в семье Толстых называли ‘идеальное сообщество людей, в котором все люди живут счастливо, не знают болезней, никаких неприятностей, любят друг друга’. Игру в *муравейные братья* также придумал старший брат Л. Толстого Николай, и состояла она в том, что дети залезали «под стулья, загораживали их ящиками, завешивали платками и сидели там в темноте, прижимаясь друг к другу» [Толстой 1928–1958, 34: 386].

Камерное выражение *арзамасская тоска* (*арзамасский ужас*) известно всем исследователям творчества Льва Толстого. Так называют ‘состояние сильнейшего переживания, испытанного однажды Л. Н. Толстым, оказавшего огромное влияние на всю его жизнь и послужившего переломным моментом в его мировоззрении и творчестве’. Прилагательное *арзамасский* образовано от названия города Арзамаса, где Толстой однажды остановился на ночевку во время поездки и где он испытал это состояние, в основе которого лежал страх смерти. Это выражение встречается в незаконченном произведении Толстого «Записки сумасшедшего». Многие из писавших о Толстом использовали это выражение. Например, М. Горький в очерке «Лев Толстой» утверждает: «Всю жизнь он боялся и ненавидел ее <смерть>, всю жизнь около его души трепетал “*арзамасский ужас*”, ему ли, Толстому, умирать?» [Горький 1955, 2: 403]. Татьяна Толстая в эссе «Квадрат» говорит об этом так: «Это знаменитое и загадочное событие в жизни писателя — не просто внезапный приступ сильнейшей депрессии, но некая непредвиденная встреча со смертью, со злом — получила название “*арзамасского ужаса*»» [Толстая 2001: 9]. Однако, несмотря на то что выражение *арзамасский ужас* уже более ста лет используется в произведениях о Толстом разных жанров, оно не перешло в разряд общеупотребительных. Возможно, этому мешает требующее разъяснений прилагательное *арзамасский*, как мешает узуализации и необычное прилагательное *муравейное* в сочетании *муравейное братство*.

В камерном толстовском сочетании *анковский пирог* также есть такое необычное прилагательное, оно образовано от фамилии профессора Н. Б. Анке, благодаря которому в семье Толстых появился рецепт очень любившегося им пирога. Со временем Толстой стал иронически называть так любые семейные традиции, а также аристократический или буржуазный уклад жизни, веру в необходимость материального благополучия и незыблемость существующего строя. Для позднего Толстого *анковский пирог* был символом барского, дворянского благополучия, сытости. В наше время *анковский пирог* отнюдь не забыт. Однако выражение используется именно как название пирога, а не в других, переносных значениях. Рецептами *анковского пирога* полон Интернет, *анковский пирог* подают в кафе «Прешпект» в Ясной Поляне. Однако это сочетание стоит на пути в узус только в одном, первом значении.

Таким образом, одни камерные лев-толстовские инновации переходят в узус достаточно легко, другие же, несмотря на наличие кажущихся очевидными предпосылок для этого, общеупотребительными так и не становятся. На наш взгляд, из частного дискурса более легко переходят в узус камерные единицы, которые обладают абстрактным значением и при этом не являются ситуативными по происхождению, а значит, не требуют каких-то дополнительных комментариев для объяснения своего значения. Использование их в литературных произведениях, особенно в качестве заглавия, является дополнительным стимулом для этого.

Литература

Архангельская Ю. В. Лев Толстой в языке и речи: Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика). Тула: ТППО, 2016. 325 с.

Архангельский В. Л. О задачах изучения фразеологического состава русского языка (Проблематика республиканских фразеологических сборников на 1976–1980 гг.) // Проблемы русской фразеологии. Семантика фразеологических единиц. Республиканский сборник / отв. ред. В. Л. Архангельский. Тула: Тул. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1975. С. 128–135.

Горький А. М. Лев Толстой // Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1955.

Толстая Т. Н. День: Личное. М.: Подкова, 2001. 416 с.

Толстой Илья. Мои воспоминания. М.: XXI век — согласие, 2000. 464 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. (Юбилейное). М.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1958.

Шкловский В. Б. Энергия заблуждения: Книга о сюжете. М.: Советский писатель, 1981. 352 с.

Yu. V. Arkhangelskaya

Tula State L. N. Tolstoy Pedagogical University

archangelju@yandex.ru

INTIMATE INOVATIONS OF L. N. TOLSTOY: ON THE WAY TO USAGE

The article researches intimate (family) innovations of L. N. Tolstoy. Not all of them were used only in the narrow circle of insiders. Some units have come into usage (*V iskusstve vse chut'-chut'*; *Chem lyudi zhivy?*; *energiya zabluzhdeniya*), the others occupy an intermediate position: they are not yet commonly used, but there are signs that they are on their way to it. Such phrases as *zelenaya palochka*, *muraveinye brat'ya*, *arzamasskii uzhas*, *ankovskii pirog*, are set and used at the present day not only in memoirs and science literature or biographic sources about Tolstoy, but also in other texts, mainly addressed to educated reader. Moreover, these units are used to name different facts of

modern reality. However they cannot be considered as commonly used. Analyzing these units, the researcher tries to determine the reasons why some Leo Tolstoy's intimate innovations go to usage rather easily, while others don't become commonly used although there are seemingly evident conditions for that, and comes to conclusion: those elements of the private discourse tend to go to the common usage more easily which are abstract in meaning and not situational by origin, and therefore don't require any additional comments for explanation of their meaning. Their use in literary works, especially as titles, appears to be an additional incentive for usualization.

Key words: intimate (family) innovations; private discourse; neology; usage; reasons for usualization; L. N. Tolstoy.

References

Arkhangel'skaya Yu. V. *Lev Tolstoi v yazyke i rechi: Slovar' innovatsii (leksika, frazeologiya, aforistika)* [Leo Tolstoy in language and speech: Dictionary of innovations (lexis, phraseology, aphoristics)]. Tula, TPPO Publ., 2016. 325 p.

Arkhangel'skii V. L. [On tasks of studying of phraseological structure of the Russian language (Problematics of republican phraseological collected volumes for 1976–1980)]. *Problemy russkoi frazeologii. Semantika frazeologicheskikh edinits. Respublikanskii sbornik* [Problems of the Russian phraseology. Semantics of phraseological units. Republican collected volume]. V. L. Arkhangel'skii (ed.). Tula, 1975, pp. 128–135. (In Russ.)

Gor'kii A. M. [Leo Tolstoy]. *Tolstoi v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 t.* [Tolstoy in the memoirs of contemporaries: in 2 vol.]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1955. (In Russ.)

Tolstaya T. N. *Den': Lichnoe* [Day: Personal]. Moscow, Podkova Publ., 2001. 416 p.

Tolstoi Il'ya. *Moi vospominaniya* [My memoirs]. Moscow, XXI Vek — Soglasie Publ., 2000. 464 p.

Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: V 90 t. (Yubileinoe)* [Collected works: In 90 vol. (Anniversary issue)]. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury Publ., 1928–1958.

Shklovskii V. B. *Energiya zabluzhdeniya: Kniga o syuzhete* [Energy of misbelief: The book about plot]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1981. 352 p.